

работы старейшего музея, который происходит от Петровской Кунсткамеры, «родившейся» на десять лет раньше Академии наук. В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что само существование этого музея, щедро предоставляющего ученым богатые материалы для исследований, было и остается той опорой, которая немало способствовала и способствует развитию этнографической науки в нашей стране.

С. А. Токарев

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АКАДЕМИИ НАУК

Сведения о народах Русской земли и некоторых зарубежных стран накапливались в России задолго до основания Академии наук: в сущности с самого зарождения русской письменности, они есть в «Начальной летописи» и других памятниках. Но это были либо случайные, либо собиравшиеся с чисто практическими, административно-фискальными целями сведения. Начало собственно научному и систематическому собиранию данных о народах нашей страны было положено в эпоху Петра I; оно приняло вполне ощутимые, конкретные формы с момента основания Академии и в рамках ее деятельности.

У колыбели русской этнографии стоял величайший ученый, академик М. В. Ломоносов. В сферу интересов этого замечательного энциклопедиста входили народный быт, язык и историческое прошлое русского народа и других народов нашей страны. Об этом свидетельствуют сохранившиеся наброски планов исследований, из которых Ломоносов успел выполнить только небольшую часть.

* * *

Сразу же после смерти Петра была проведена целая серия больших солидно организованных научных экспедиций, целью которых было всестороннее изучение восточных областей и окраин Русского государства. Эти экспедиции снаряжались, отправлялись и руководились молодой Академией наук.

Наибольшее значение для развития этнографии получили две огромные, даже и по нынешним масштабам, экспедиции: вторая Камчатская (Великая северная, 1732—1743) и «физические» (1768—1774).

Вторая Камчатская экспедиция, как известно, была необычайно широким научным предприятием, ставившим своей задачей не только изучение морских границ Сибири и связей ее с Америкой, но и всестороннее обследование внутренних областей Сибири, изучение ее природы, быта населения, древностей; экспедиция собрала огромные материалы по истории Сибири и множество сведений о быте народов этой окраины¹.

Очень много дали для нашей науки, в частности, труды академика Г. Ф. Миллера, руководившего «сухопутным» отрядом экспедиции. Он изъездил за 10 лет все пространство Сибири, от низовьев Енисея до Якутии и Забайкалья. Отмечая встреченные на пути памятники древности, тщательно собирая архивные документы (по его указаниям изготовляли их копии), Миллер в то же время уделял внимание и живым народам,

¹ См.: Л. С. Берг, Очерки по истории русских географических открытий, М.—Л., 1949.

записывал образцы их языков, составлял словарики. Итогом работ Миллера была его фундаментальная «История Сибири» — обширный свод всего тогда известного по истории народов этого региона².

Немалый этнографический материал содержится и в путевых записях других участников экспедиции, особенно натуралиста Гмелина и в неопубликованных до сих пор, к сожалению, трудах Якова Линденау по отдельным народам Сибири.

Особое место в работах участников экспедиции занимает замечательный двухтомный труд Степана Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (1755). Помимо физико-географического описания Камчатки, Крашенинников дает здесь такое серьезное, глубокое и полное исследование быта и культуры ее населения, равных которому мало можно найти в мировой этнографической литературе не только XVIII в., но и более позднего времени.

О высоком по тому времени научном уровне, на каком стояла вся работа экспедиции, можно судить хотя бы по инструкциям, которыми руководились ее участники. Из этих инструкций видно, что этнографические исследования занимали отнюдь не случайное место в программах работ путешественников. В инструкции, полученной от Академии наук Г. Ф. Миллером, указывается на необходимость «наипаче наблюдать..., где будут пределы каждого народа, какие границы и не разных ли происхождения и разных родов народы между собой смешаны, или нет». Далее: «Какие суть начала каждого народа по их же повествованию, какие суть каждого народа древние жилища, преселения, дела и проч.». Таким образом Академию интересовали вопросы, как мы бы сказали, этногенеза народов Сибири. Затем требовалось выяснить, «какая есть в каждом народе вера», «обычаи и обряды народные, домашние и брачные», «об языке каждого народа надобно сделать несколько примеров»; рекомендовалось применять фонетическую транскрипцию имен и названий, которые «точно по настоящему того народа и соседних народов proportionally записывать должно». Помимо этой краткой инструкции, сотрудники экспедиции учитывали и гораздо более подробную программу историко-этнографического обследования («Предложение о сочинении истории и географии Российской»), составленную в 1734 г. известным ученым В. Н. Татищевым³. Эта программа, состоявшая из 198 вопросов, является едва ли не первой в мире этнографической анкетой. Еще более серьезный характер носила инструкция, составленная Г. Ф. Миллером для его помощника Иоганна Фишера. В этой инструкции, содержавшей до тысячи вопросов по этнографии, Миллер с достаточной ясностью формулирует свои мысли о важности этнографических наблюдений, которые, по его словам, «полезны для истории, чтобы показать взаимное родство народов из общности их обычаев и языков». Вопросы инструкции касались самых разнообразных сторон народного быта, в том числе и таких тонкостей и деталей, которые стали предметом внимания этнографов только в новейшее время.

Большие академические экспедиции 1768—1774 гг., работавшие под общим руководством акад. Петра Палласа, охватили огромную территорию: Поволжье и Приуралье, Север, Кавказ и Сибирь. Экспедиция состояла из ряда научных поездок отдельных ученых — таких, как сам П. С. Паллас, В. Ф. Зуев, С. Гмелин, И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский, И. Г. Георги и др. Ни один из них не ставил себе чисто этнографических задач, но все они не упускали случая записать встречавшиеся им особенности быта, верований, даже внешнего вида местного населения. Особенно много этнографического материала в записках П. С. Палласа,

² См. Г. Ф. Миллер, История Сибири. М.—Л., т. 1, 1937; т. 2, 1941.

³ См. В. Н. Татищев, Избранные труды по географии России, М., 1950, стр. 77—97.

В. Ф. Зуева и И. И. Лепехина⁴. На материалах экспедиции был написан четырехтомный труд И. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» (1776—1780). Хотя использованные автором источники были, конечно, весьма неравноценны, работа эта долго оставалась единственной этнографической энциклопедией нашей страны.

Второстепенное, но все же немаловажное значение имели для этнографии путешествие И. Лерха на Кавказ и в Персию в 1745—1747 гг., поездка В. Зуева в Херсон, Крым и Константинополь в 1781—1782 гг. (для обследования торговли и экономики южной окраины России); путешествие Н. Я. Озерецковского на Ладожское и Онежское озера в 1785 г.; поездка Палласа в Крым и Новороссию в 1793—1794 гг. богатые материалами путешествия почетного члена Академии И. О. Потоцкого на Кавказ и в низовья Волги⁵.

Академия наук издавала периодические «месяцесловы» с разными общепользовными сведениями, среди которых было немало исторических и этнографических материалов. Там читатель находил статьи об «астрономии гринландских жителей», о «Великой Татарии», «О происхождении молдавцев, о их языке, вере, нравах и поведении», о «Бухарии», о «Чукотском носе», о «королевстве Тибетском», о «Курильских островах», о «Тунгусах вообще», о «Калмыцком народе» и пр. Эти любопытные, но разбросанные в разных, ставших редкими изданиях материалы были в 1780-х гг. собраны и переизданы акад. Н. Я. Озерецковским под названием: «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы» (10 томов).

К началу XIX в. относятся прежде всего первые русские кругосветные экспедиции: И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского (1803—1806 гг.), О. Е. Коцебу (1815—1818 гг.), В. М. Головнина (1817—1819 гг.), Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева (1819—1821 гг.), Ф. П. Литке (1826—1829 гг.). Эти экспедиции, знаменовавшие выход русской науки на международную арену, организовывались, правда, не Академией, а другими учреждениями, но Академия принимала в них непосредственное участие.

Важным научным событием была экспедиция акад. Г. И. Лангсдорфа в Бразилию в 1825—1829 гг. Эта экспедиция собрала богатый этнографический материал, который, к сожалению, не был опубликован (вследствие болезни и смерти самого Лангсдорфа) и хранился в архиве Академии. Только в наши дни началась его обработка и подготовка к печати⁶.

Очень много ценного материала, коллекций и научных записей привез из своего 10-летнего путешествия в Русскую Америку (1839—1849) И. Г. Вознесенский, препаратор Зоологического музея.

В отличие от энциклопедических экспедиций XVIII в. путешествия внутри страны в XIX в. носили более узкий, специальный характер. Для этнографии имели значение работы филологов и лингвистов, которые и косвенно, и прямо затрагивали этнографический материал. Первыми по времени (1805—1808 гг.) были поездки адъютанта, позже члена Академии, Юлиуса Клапрота, собравшего богатый материал по языкам башкир, тунгусов, якутов, казахов, монголов, манчжуров, части народов Кавказа.

Особенную научную ценность имеют этнографо-лингвистические материалы А. Шёгрена и М. А. Кастрена. Академик А. Шёгрэн в своей по-

⁴ См. П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. I—V, СПб., 1773—1788; В. Ф. Зуев, Материалы по этнографии Сибири XVIII в., в кн. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 5. М.-Л., 1947; И. Лепехин. Дневные записки путешествия по провинциям Российского государства, т. I—IV, СПб., 1795—1805.

⁵ См.: В. Ф. Гнучева, Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв., М.—Л., 1940.

⁶ Г. Г. Манисер, Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию, М., 1948.

ездке на Кавказ в 1835—1837 гг. сделал ценные записи по осетинскому и некоторым другим языкам. Позже, в 40—50-х гг., А. Шёгрэн неутомимо изучал языки и этнографию народов Прибалтики, специально интересовался судьбой близких тогда уже к полному растворению народностей ливов и кривингов, собрал богатые материалы по этнографии Финляндии и русского Севера. Что касается М. А. Кастрена, то роль этого замечательного ученого в развитии нашей этнографии исключительно велика. Если первые поездки М. А. Кастрена по Лапландии, северной Финляндии и северной России (1838—1844) протекали без участия Академии наук, то плодотворнейшие по своим результатам путешествия Кастрена по Сибири в 1845—1849 гг. были им совершены в тесном контакте с Академией, от которой он получал средства, для которой собирал коллекции. М. А. Кастрен впервые ввел в научный оборот бесписьменные и до того неведомые языки народов Сибири; самоедские, тунгусские, языки остяков и вогулов, кетов, бурят и др., составил грамматики этих языков, проследил связи между ними, впервые поставил на научную почву вопрос о происхождении народов «урало-алтайской» группы⁷.

Вообще надо сказать, что «этнографическая лингвистика», изучение бесписьменных языков в связи с исследованием проблемы о происхождении и культурно-исторических связях народов, в духе традиций Шёгрена и Кастрена, и впоследствии занимало видное место в работах Академии наук в нашей стране, в отличие от большинства иностранных академий, высокомерно пренебрегавших языками отсталых народов. Достаточно назвать труды академиков Дорна по языкам Кавказа, особенно Дагестана (1860 и др.), Бётлингга о языке якутов, В. Радлова по тюркским наречиям (о работах более позднего времени будет сказано ниже).

С 1840-х гг. начинается более планомерное собирание этнографических материалов по отдельным областям России. Большая заслуга в этом принадлежала основанному в 1845 г. Русскому географическому обществу, Отделение этнографии которого развернуло деятельную собирательскую работу и вовлекло в это дело довольно широкие слои общественности. Таким образом, у Академии наук появился важный и полезный сотрудник в работе по этнографии. Между обеими научными организациями — Академией и Географическим обществом было плодотворное сотрудничество, без всякого соперничества. Научные экспедиции организовывались нередко совместно. Вещественные коллекции, поступавшие в Географическое общество, передавались Обществу в музей Академии. Академия представляла собой официальную науку, а Географическое общество опиралось на более широкие общественные круги⁸.

В 40-х гг. XIX в. для исследования народов Сибири были предприняты крупные экспедиции, например большая экспедиция А. Ф. Миддендорфа, в то время профессора Киевского университета, позже академика. В 1842—1845 гг. он проделал огромное путешествие от Таймыра до Шантарских островов и собрал, наряду с естественно-историческими, также и важные этнографические коллекции. Плодотворные исследования были проведены Л. И. Шренком в 1854—1856 гг. на Нижнем Амуре и Сахалине — в районах, в те годы этнографически еще совершенно неизученных; можно отметить также работы Дитмара на Камчатке (1851—1856), поездку того же Миддендорфа в Барабинскую степь (1868), позже — исследования Полякова и Никольского на Сахалине (1881—1884). Важнейшее значение для этнографии Центральной Азии имела орхонская экспедиция для изучения древне-тюркских надписей в 1890-х гг. под руководством тюрколога В. В. Радлова, позже — Д. А. Клеменца.

⁷ М. А. Castrén. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1843—1844, St.-Petersburg, 1853; его же, Reiseerinnerungen und Briefe aus den Jahren 1845—49, St.-Petersburg, 1856; его же, Ethnologische Vorlesungen über die Altaische Völker..., St.-Petersburg, 1857.

⁸ См. Л. С. Берг, Всесоюзное Географическое общество за сто лет, М.—Л., 1946.

Среди исследований по народам Средней Азии выделяются работы Н. В. Ханыкова, ездившего в Бухару и Персию в 1858 г. (еще раньше Ханыков напечатал интересное «Описание Бухарского ханства» (1843), а также П. И. Лерха (Хива и Бухара, 1858—1859); следует отметить поездку престарелого А. Ф. Миддендорфа в Ферганскую долину (1873), филологические исследования К. Г. Залемана в Западном Памире (1897).

По центральным и северным районам России особенно значительными были работы акад. П. И. Кеппена, который в 1840-х гг. провел ряд статистико-этнографических обследований, собирая и проверяя материал для этнографической карты России. Эта первая этнографическая карта была издана в 1852 г. В 1860 гг. акад. В. В. Вельяминов-Зернов собирал в Рязанской, Московской и других губерниях материалы для своей работы по истории касимовских татар. Из работ по народам Прибалтики особенно интересны многолетние исследования акад. В. Видемана, совершавшего с 1861 по 1882 гг. почти ежегодные поездки к эстонцам для изучения их языка, быта, народного творчества.

К концу XIX в. центром научной этнографической работы в Академии становится академический музей в Петербурге. История его, однако, началась задолго до этого⁹. Начало собрания музея было положено теми коллекциями и экспонатами, которые поступали в Академию как от ее ученых путешественников, так и от посторонних лиц в качестве дара. По мере роста научного авторитета Академии росли и эти поступления.

К началу XX столетия Музей антропологии и этнографии превратился из простого хранилища редкостей в крупнейшее научное учреждение, базу этнографических исследований. С 1900 г. стал выходить специальный научный орган музея — «Сборники Музея по антропологии и этнографии», где публиковались ценнейшие фонды музея и печатались статьи по всевозможным вопросам этнографии.

Музей сделался центром этнографической работы в Петербурге. Вокруг него вырос актив молодых энтузиастов науки. Между прочим в музее работали отбывшие ссылку этнографы-революционеры Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, Д. А. Клеменц и Э. К. Пекарский.

В целом, хотя к началу XX в. в России сложился уже ряд самостоятельных очагов этнографической работы — Отделение этнографии Русск. географич. общества, Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Казанское общество археологии, истории и этнографии, а также несколько центральных и местных музеев, и Академия наук перестала быть, как прежде, единственным центром научной этнографической мысли, — тем не менее роль отдельных академических учреждений, и прежде всего МАЭ, а отчасти и Азиатского музея, Отделения русского языка и словесности и пр., оставалась очень значительной.

* * *

После Великой Октябрьской Социалистической революции в нашей стране сложились совершенно новые условия для развития этнографической науки¹⁰. Прежде всего обнаружился значительный рост ее вири. До революции этнография была занятием узкого круга специалистов и не слишком многочисленной кучки любителей-самоучек. Учреждений,

⁹ См. статью Т. В. Станюкович в этом номере.

¹⁰ См. С. П. Толстов, 40 лет советской этнографии, «Сов. этнография», 1957, № 5; С. А. Токарев, Ранние этапы развития советской этнографической науки, в кн. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. V, М., 1971.

ведших этнографическую работу, было мало. В числе их Академия наук стояла на первом месте, но в системе ее была в сущности только одна ячейка, где сосредоточивалась вся этнографическая деятельность: Музей антропологии и этнографии. После революции вырастает целая сеть научных просветительных, учебных, краеведческих учреждений в центре и на местах, ставящих перед собой в той или иной мере этнографические задачи. Этнография нашла себе, наконец, законное место в высшей школе: первый этнографический факультет появился в 1919 г. при Географическом институте в Петрограде, за ним последовали этнографические отделения, кафедры и целые факультеты в разных университетах страны. На местах, в особенности в национальных республиках, стали создаваться научно-исследовательские институты, краеведческие организации, научные общества, которые деятельно взялись за изучение своего края, его прошлого и настоящего, быта и творчества народа. Этнография почти стихийно стала делом широких масс. Особенно важно то, что работа эта охватила едва ли не все, даже сравнительно небольшие и отсталые народы СССР: прежде они были только объектами этнографического изучения, теперь они начали изучать себя сами. Сеть краеведческих учреждений переплелась с сетью музеев, которые покрыли собой всю страну; не только в национальных республиках, краях и областях, но и в отдельных небольших городах и районах появились музеи, ставшие центрами собирательской работы. Этнографические коллекции можно найти теперь в каждом национальном районе. Выросла и научно-издательская работа. Нет национальной республики и области, которая за годы советской власти не издала бы тех или иных этнографических материалов или исследований.

Академики и сотрудники академических учреждений принимали деятельное участие в работе по этнографии и вне стен Академии. Достаточно сказать, что преподавание этнографических дисциплин в высших учебных заведениях Петрограда было обеспечено почти целиком старыми сотрудниками академического Музея антропологии и этнографии; особенно много сделали Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз. Они были подлинными создателями первой в нашей стране высшей этнографической школы, воспитателями целого поколения молодых советских этнографов. Немалая заслуга в этом принадлежит и Д. К. Зеленину, Е. Г. Кагарову и другим сотрудникам академического музея.

Нельзя не отметить важную роль сотрудников Музея антропологии и этнографии проф. Л. Я. Штернберга и проф. В. Г. Богораз в организации и работе Комитета содействия народностям Северных окраин при Президиуме ВЦИК («Комитет Севера»), который провел огромную работу по хозяйственному и культурному обслуживанию наиболее угнетенных в прошлом малых народов Севера.

В самой Академии наряду со старым Музеем антропологии и этнографии возникли научные институты, отделения, комиссии, в задачи которых в той или иной мере входили этнографические исследования. Такова была прежде всего Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (впоследствии — СССР).

Задача была в значительной мере выполнена: составлены этнографические карты Белоруссии, Бессарабии, Сибири, Средней Азии, Кавказа и других областей. Очень важна была и другая задача: составление точного списка национальностей для проведения Всесоюзной переписи 1926 г. В связи с этим был опубликован целый ряд справочников по этническому составу населения нашей страны в целом и отдельных ее частей¹¹.

¹¹ Н. И. Зарубин, Список народностей Туркестанского края, Л., 1925; его же, Список народностей СССР, М., 1927; его же, Население Самаркандской области, его

Многие из этих справочников сопровождались этнографическими картами. Комиссией по изучению племенного состава населения был издан также ряд монографий и сборников по отдельным народностям и этнографическим областям¹².

Создание Комиссии экспедиционных исследований было связано с необычайным расширением экспедиционной деятельности Академии. Невозможно перечислить все многочисленные экспедиции и отдельные поездки, организованные за первые десятилетия советской власти в разные национальные районы страны. Помимо отдельных, более или менее узко специальных экспедиционных обследований, проводившихся этнографами, особенно важно отметить большие комплексные экспедиции, в которых этнографы принимали участие рядом с представителями других научных дисциплин. Некоторые из этих экспедиций, продолжавшиеся 5 лет и больше, вырастали в крупные и почти самостоятельные научные организации. Здесь как бы возрождалась традиция больших академических экспедиций XVIII в. с той, конечно, разницей, что, при тогдашнем состоянии науки, отдельные широко образованные исследователи, как, например, Крашенинников, Паллас, единолично охватывали разные отрасли знаний и давали всестороннее описание стран, в которых они побывали, в наше же время большие комплексные экспедиции всегда включали в свой состав разных специалистов и распадались на обособленные отряды. Крупный размах получили, например, экспедиции: Казахская, Кольская (Лопарская), Туркменская, Закавказская, Чувашская.

Самой замечательной по масштабу и результатам была Якутская экспедиция Академии наук СССР, работавшая 6 лет, с 1925 по 1931 гг. Она поставила себе целью всестороннее изучение этой отдаленной и в прошлом наиболее обездоленной окраины. Работа превратилась в своеобразное культурное шефство Академии наук над Якутской республикой. Одним из 25 отрядов и подотрядов экспедиции был этнографический отряд. Результатом работ экспедиции и связанной с ней специальной Комиссии по изучению Якутской АССР явилась обширная серия монографий и сборников, целая библиотека книг о Якутии.

Якутская экспедиция не только обогатила науку новыми этнографическими материалами, но выявила и опубликовала целый ряд старых работ, хранившихся до революции под спудом. Крупным научным событием было завершение печатания фундаментального «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского, бывшего политического ссыльного. Этот словарь, плод многолетнего труда исследователя, отдавшего ему большую часть своей жизни, начал печататься еще в 1899 г. В 1930 г. его печатание было завершено. Словарь Пекарского содержит 13 выпусков, около 4 тыс. столбцов, до 25 тыс. слов и составляет ценнейший памятник якутского языка, и не только языка, но и своего рода энциклопедию жизни и творчества якутского народа. Недаром правительство ЯАССР отметило специальным постановлением окончание издания Словаря как выдающееся культурное событие в жизни народа Якутии.

Трудно было бы перечислить все, что сделано в предвоенные годы Академией наук или при ее участии и под ее руководством для этнографического изучения народов СССР. Важно только отметить, что это изучение, как правило, связывалось с насущными практическими задачами социалистического строительства и культурной революции в национальных республиках и областях. Вместе с тем весьма плодотворным оказалось установление связи проблем этнографии с проблематикой бо-

численность, этнографический состав и территориальное распределение, Л., 1926; Н. Я. Марр, Племенной состав населения на Кавказе, Пг., 1920; Л. С. Берг, Население Бессарабии. Этнический состав и численность, Пг., 1923; С. К. Патканов, Список народностей Сибири, Пг., 1923; Ф. А. Фиельструп, Этнический состав населения Приуралья, М., 1926.

¹² «Финноугорский сборник», Л., 1928; «Западно-финский сборник», М., 1929, и др.

лее широкого горизонта наук, с задачами изучения истории СССР и зарубежных стран. Значительная роль в этом принадлежала академику Н. Я. Марру. С именем этого выдающегося ученого, лингвиста и археолога связан целый ряд крупных перемен в научной жизни нашей страны, имевших большое значение и для этнографии. Роль его была двойственной. С одной стороны, Марр и своими дореволюционными, и позднейшими лингвистическими трудами сильно продвинул вперед изучение многих языков, в том числе бесписьменных, особенно кавказских, которое было у него неотделимо от этнографической проблематики. Своей кипучей неутомимой деятельностью он способствовал созданию целой сети академических и местных научных учреждений (Гос. Академия Истории материальной культуры, Яфетический институт, Северокавказский комитет — позже Институт народов Востока и др.), возглавляя и направляя их деятельность. Марр и его ближайшие ученики очень много сделали для сближения ряда смежных наук — языкознания, археологии, этнографии; перед ними ставились общие и широкие проблемы — этногенеза, глоттогенеза, истории культуры. С другой стороны, однако, чрезмерно увлекшись критикой классической языковедческой концепции (компаративистская индоевропеистика), Марр не удержался в границах строго научного исследования, а пустился в область полу-фантастических построений, «единого мирового глоттогонического процесса», рассматривая все языки мира как составленные будто бы из одних и тех же «4 элементов». Одно время (1930—1940-е гг.) последователи Марра заняли настолько монопольное положение в лингвистике и в смежных науках, что противникам его трудно становилось работать; тем самым это принесло прямой вред науке. Так было до 1950 г., когда лингвистическая дискуссия показала слабую обоснованность «нового учения о языке» Марра.

Тем не менее, положительный вклад трудов и идей академика Марра в изучение исторических связей народов и их языков нельзя отрицать. Своими трудами он разбил господствовавшее прежде среди лингвистов представление о взаимной замкнутости языковых «семей». Он доказал возможность и пользу сопоставления словарного фонда языков, даже совсем не родственных между собой, и тем самым открыл дорогу для более широких и свободных сравнительно-лингвистических исследований. В то же время именно Марру этнография обязана более тесной связью с лингвистикой, да отчасти и с археологией.

Советская этнография вооружилась марксистско-ленинской методологией, которая до Великой Октябрьской социалистической революции оказывала лишь ограниченное влияние на русскую этнографическую науку (работы Н. И. Зиберы, Максима Ковалевского), теперь же этой методологией овладели широкие круги советских исследователей. Важнейшую роль в формировании новой методологии сыграли работы В. И. Ленина по национальному вопросу.

В борьбе за марксистское перевооружение этнографической науки важную роль сыграли теоретические конференции — особенно «Совещание этнографов Ленинграда и Москвы» (1929 г.) и «Археолого-этнографическое совещание» (1932 г.), происходившие в Ленинграде. В развернувшихся на этих конференциях дискуссиях не обошлось и без крайностей: высказывались мнения, что этнография (этнология) и археология — суть «буржуазные суррогаты» обществоведения и истории, которым не место в системе марксистских наук. Но эти крайности были скоро преодолены. Новые и новые конкретные работы советских этнографов показывали и доказывали возможность создания этнографической науки, построенной на базе марксистско-ленинской методологии.

В 1930-е г., период особенно интенсивной перестройки идейной базы этнографии, главное внимание советских этнографов было направлено на изучение пережитков докапиталистических формаций у народов раз-

ных стран, в том числе и Советского Союза. Это направление интересов было вызвано в значительной мере практическими мотивами: массовая коллективизация крестьянства, сопротивление кулацко-байских групп — все это порождало, особенно в национальных областях, очень сложную обстановку. Нелегко было разобраться в переплетении разных социально-экономических укладов у отдельных народов, в характере и роли патриархально-родовых и патриархально-феодалных форм быта. Появление именно в эти годы ряда этнографических исследований, посвященных изучению пережитков докапиталистических и даже доклассовых отношений у народов СССР не случайно¹³. Академия наук, в лице своих отдельных учреждений, принимала непосредственное участие в большинстве этих исследований.

Логическое продолжение и расширение того же круга интересов привело и к постановке более общих проблем — к изучению первобытно-общинного строя, закономерностей его развития и разложения. Отсюда, опять-таки не случайно, появление как раз в 30-е гг. ряда теоретических работ по данной тематике (первобытный коммунизм, ранние формы брака и семьи, матриархат и патриархат, экзогамия, системы родства и пр.)¹⁴. И опять-таки в большинстве случаев академические учреждения принимали в этих работах активное участие.

В последние годы перед Отечественной войной этнографическая работа Академии наук приняла особенно широкий размах. На базе Музея антропологии и этнографии в 1933 г. был создан Институт антропологии, археологии и этнографии; при реорганизации этого Института в 1937 г. из него был выделен особый Институт этнографии с самыми широкими задачами. В новый Институт вошел и Институт по изучению народов (ИПИИ). В качестве одного из основных заданий в научно-исследовательский план была включена подготовка четырехтомника «Народы СССР». Однако война помешала осуществлению этого проекта.

В годы Великой Отечественной войны большинство этнографов было оторвано от мирной научной работы. Многие погибли на фронтах, в блокированном Ленинграде. В суровых условиях блокады и обстрелов Ленинграда коллектив Института этнографии АН СССР приложил героические усилия к спасению коллекций и здания Музея. Не прекращалась и исследовательская работа Института этнографии АН СССР.

¹³ См., напр.; И. М. Сулов, Социальная культура у тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски и верховьев р. Таймыры, «Сев. Азия», 1928, № 1; П. И. Кушнер (Кнышев), Горная Киргизия, М., 1929; П. Е. Терлецкий, Вопросы кооперативного строительства на Крайнем Севере, «Сов. Север», 1931, № 1; М. Т. Маркелов, О пережитках родового строя в современном быту удмуртов, «Сов. этнография», 1931, № 3—4; Н. Н. Билибин, Классовое расслоение у кочевых коряков, Хабаровск, 1933; Л. П. Потапов, Очерк истории Ойротии, Новосибирск, 1933; А. Н. Бернштам, Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии, «Сов. этнография», 1934, № 6; М. А. Сергеев, Реконструкция быта народов Севера, «Революция и национальность», 1934, № 3; С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах, «Известия Государственной академии истории материальной культуры», вып. 103, Л., 1934; его же, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10; Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Рахно-Боло, Л., 1936; С. А. Токарев, Докапиталистические пережитки в Ойротии, Л., 1936; Н. П. Никульшин, Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков, Л., 1939, и др.

¹⁴ См., напр.: В. К. Никольский, Важнейшие направления современного исследования первобытного хозяйства, «Под знаменем марксизма», 1929, № 10—11; П. Ф. Преображенский, Курс этнологии, М.—Л., 1929; П. И. Кушнер, Очерк развития общественных форм, М., 1924; его же, Первобытные и родовые общества, М., 1925; М. О. Косвен, Происхождение обмена и меры ценности, М.—Л., 1927; его же, Половые отношения и брак в первобытном обществе, М.—Л., 1928; А. М. Золотарев, Происхождение экзогамии, М., 1931; С. П. Толстов, Проблемы родового общества, «Сов. этнография», 1931, № 3—4; А. Н. Бернштам, Е. Ю. Кричевский, К вопросу о закономерности в развитии арханческой формации, Л., 1932; С. А. Токарев, Родовой строй в Меланезии, «Сов. этнография», 1933, № 2—6; А. Ф. Анисимов, Родовое общество, Л., 1936, и др.